

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ) / 5.7.9. PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (PHILOSOPHY OF SCIENCE)

Серия «Политология. Религиоведение»
2023. Т. 46. С. 89–99
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 993

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.89>

Образ России в религиозноведческом дискурсе

О. Д. Агапов, М. Н. Рашкин*

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Изучается специфика конституирования и институализации образа России в начале XXI в. силами российского научного сообщества. Рассматриваются место и роль религиоведения в производстве концепта России как государства, где сложились успешные практики религиозного плюрализма; развивается модель постсекулярного общества, где религиозные сообщества рассматриваются как часть гражданского общества, способные выступить основой для устойчивости российского государства-цивилизации как содружества народов с различной религиозной идентичностью. Утверждается, что значение религиоведческих знаний для определения цивилизационной стратегии России в XXI в. будет возрастать как в теоретико-методологическом, так и практическом плане.

Ключевые слова: образ России, религиоведение, цивилизационный реализм, религиозный плюрализм, постсекулярное общество, государство-цивилизация.

Для цитирования: Агапов О. Д., Рашкин М. Н. Образ России в религиозноведческом дискурсе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 89–99. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.89>

Original article

Russia's Image in Religious Studies

O. D. Agapov, M. N. Rashkin*

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova, Kazan, Russian Federation

Abstract. The aim of this article is to conceptualize the processes of constitution and institutionalization of Russia's image by the Russian academic community at the beginning of the 21st century. I focus on the role of religious studies in the production of the concept of Russia as a nation with successful practices of religious pluralism, with a developing model of a post-secular society where religious communities are seen as part of civic society that can serve as one of the foundations for Russia's civilization state's stability as a commonwealth of peoples with different religious identities. Knowledge produced by religious studies will, in our opinion, only become more significant for the task of determining Russia's civilizational strategy in the 21st century, including both theory and methodology, and practice.

© Агапов О. Д., Рашкин М. Н., 2023

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Keywords: Russia's image, religious studies, civilizational realism, religious pluralism, post-secular society, civilization state.

For citation: Agapov O.D., Rashkin M.N. Russia's Image in Religious Studies. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, vol. 46, pp. 89-99. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.89> (in Russian)

Введение

Российское академическое сообщество как часть российской гражданской политической нации в современной международной политической и социокультурной ситуации реализует теоретико-методологическую стратегию *цивилизационного реализма*. Современная *политическая элита* России – научная, военная, административная, творческая – должна осознавать, что *цивилизационная идентичность* России – это не только предмет оживленной академической дискуссии, а жесткая геополитическая, экономическая и социокультурная необходимость, связанная с обретением *гуманитарного суверенитета*, способного выступить основанием для интегративного, единого по цели и множественного по формам гражданского служения.

Важнейшей частью гуманитарного суверенитета (умение мыслить собственным умом и действовать от первого лица) выступает *религиозная идентичность*, что связано с важнейшим экзистенциально-антропологическим открытием религиоведения в XX в., а именно с тем, что вера выступает важнейшим и неотчуждаемым атрибутом человеческого бытия, что без институтов «перевода» религиозных чувств в религиозное сознание не происходит конституирования ни одного субъекта исторического развития. В структурах древних и современных государств прямо или опосредовано «вшита» теологическая компонента, формирующая образ мира, сообщающая ему определенную *сакрально-профанную* легитимность. Неслучайно в спектр современных религиоведческих исследований входит политическая теология, а социология религии выявляет в структурах общественного сознания следы архаических и традиционных религиозных верований, а также концепты новых религиозных движений. Последовательная деконструкция национально-государственных форм сознания современных государств при всем декларировании светскости и секулярности показывает их религиозный фундамент, препарированный в структуры сакрализации государственных институтов.

Сегодня религиозная жизнь, тема свободы вероисповеданий вошли в геополитический кодекс стран, являются горячими темами международных отношений. Напомним, что в годы холодной войны (1946–1991 гг.) активно культивировался образ СССР как страны, где нарушаются права и свободы человека, в том числе и свобода совести. Следует согласиться с В. А. Щипковым, который убежден, что «в XXI веке религия выходит в открытое пространство общественного дискурса, уступая свое место на его периферии, где пребывала в позиции антитезы во времена главенствующей секулярной культуры, секуляризму и сциентизму, для которых научное знание является наивысшей культурной ценностью» [17, с. 253].

На наш взгляд, сегодня, позиционируя образ России как во внешней, так и во внутренней политике, мы должны учитывать и теоретико-

методологически прорабатывать и религиозную идентичность российского общества как составную и неотчуждаемую часть цивилизационной матрицы России. Конкретнее, позиционируя Российскую Федерацию как *государство-цивилизацию*, как страну, входящую в Совет безопасности ООН и ответственную за сохранение и развитие международного права, лидера атомной энергетики и космонавтики, мы должны более активно развивать программы и практики межрелигиозного диалога, конструктивного сосуществования религиозных сообществ, образ России как страны, стремящейся сохранять и преумножать религиозные и иные социокультурные традиции. Например, политолог и религиовед М. М. Мчедлова убеждена, что религия – это системообразующий компонент цивилизационной матрицы России, вне которой нельзя постичь суть ее традиций и выстраивать новые смыслы для будущего. Религии отвечают за формирование «новых транснациональных акторов международных отношений и механизмов “мягкой силы”, отражая плюрализацию источников легитимации религиозной деятельности» [8, с. 27].

Современный исследователь «географических образов мира» Д. Замятин показывает, что, помимо пространственных переменных любой территории, важнейшими выступают культурно-исторические компоненты (среди них религиозные), дополняющие и обогащающие образы физической, экономической и политической географии. Неслучайно сегодня большое значение в спектре религиоведческих дисциплин приобретает география религий, социальная география. Следовательно, выстраивая современный образ России как полирелигиозного сообщества в религиоведческом дискурсе, мы должны иметь в виду, что для многих средоточием российского мира окажется не только Москва, но и Саров или Оптиная пустынь для православных, Казань или Дербент для российских мусульман, Иволгинский дацан около Улан-Удэ для буддистов и т. д. Полагаем, что большое эвристическое значение в ближайшее время приобретут исследования под общей эгидой «Религиозный образ России».

Более того, Д. Замятин, анализируя и классифицируя геополитические образы современной России: «Остров Россия», «Евразия», «Другая Европа», «(Нео)Византия», «Скандовизантия», «Восточная Европа», «Региональная держава», «Мировая держава», показывает, что в каждом из образов есть методологические оппозиции «сущее – должное», «реальное – желаемое – другое», «сакральное – профанное». Каждый из образов не только академическая «заумь», но и предмет определенной *субъектно-объектной геостратегии* конкретных субъектов российской политики (дипломатов, военных, полицейских, бизнес-сообщества и т. д.). На основе геостратегий складываются *гуманитарно-географические информационные технологии* – «операциональные действия, дающие возможность создавать, конструировать новые образы географического пространства (или гуманитарно-географические образы), максимально информационно насыщенные» [3, с. 300].

На наш взгляд, образ России в XIX–XXI вв. как для самого российского общества, так и для различных субъектов международного сообщества – это во многом результат прямой или опосредованной деятельности российского

академического сообщества как обособившегося субъекта деятельности в обществах модерна. Не будет преувеличением сказать, что научное сообщество России можно рассматривать как национально-культурную часть большого интернационального сообщества *homo academicus*, изученного Пьером Бурдьё в фундаментальном исследовании. Внутри этого сообщества при всей интенции к глобальному / «вечному миру» (по И. Канту) все же есть конкуренция цивилизационных проектов, есть явная и латентная борьба за доминирование.

Главное в этом процессе выстраивать российскую иерархию ценностей и приоритетов, поскольку основная гражданская миссия *homo academicus* в каждой стране – это производство, воспроизводство, распределение и продвижение научного знания о всех формах и типах реальности. Фактически *homo academicus* производили в XVII–XX вв. не только научное объективное знание, но и выступали создателями практик освоения микро-, макро- и мегамира. Развитие научных дисциплин было одновременно становлением новых сфер политики, экономики (производства, сельского хозяйства и т. д.), культуры. В известном смысле развитие академической культуры, институализация науки шли параллельно с развитием структур общества модерна, потому что все профессиональные кадры военных, инженеров, предпринимателей, педагогов, социальных работников проходили через университет, приобщаясь к базовым формам научной рациональности, научной картины мира, наукообразного отношения к себе и другим. Иными словами, научное познание не только учило различению, объяснению и пониманию сил и структур сущего, но давало, по В. М. Розину, основание для институализации новых форм труда и социальности [9].

Российское академическое сообщество, делавшее первые шаги в XVII–XIX вв. (Славяно-греко-латинская академия (1687 г.), Академия наук (1724 г.), Московский университет (1755 г.), университеты эпохи Александра I), к началу XX в. ощущало себя практически центром и субъектом научного, интеллектуального, политического, экономического и социокультурного развития Российской империи, формировало общественную повестку дня, общественное сознание и самосознание. Научное сообщество в СССР также играло большое значение в динамике советского общества, став в 50–80 гг. XX в. ведущей политической, производительной и социокультурной силой.

В современной России роль *homo academicus* трудно переоценить. Ученые – это и лидеры общественного мнения, и гражданские активисты, и подвижники научно-исследовательских программ и просветительских проектов. В поле *влияния* академического сообщества находятся политический класс, бизнес-сообщество, СО НКО. Профессиональные политики и члены политических партий, сетевые сообщества граждан – все они в той или иной мере пользуются языком социальных наук, научными теоретическими концептами и конструктами, эмпирическими данными, ученые привлекаются к написанию законодательных инициатив, экспертизе государственных программ, к формированию новых наукоемких сфер производства. Социальные ученые являются не только профессиональными критиками аномий обще-

ственного развития, но они и конституируют представления о *должном* социальном бытии, стремясь развить социологическое воображение, экономическое проактивное инновационное мышление, развитое и ответственное историческое сознание и самосознание, политико-правовую культуру и т. д.

Разумеется, российское сообщество *homo academicus* неоднородно, представляет собой открытую саморазвивающуюся систему и коллективный субъект, входящий во все структуры российской политической нации и обладающий определенным социально-символическим капиталом, формами влияния на структуры власти, экономики, культуры. Полагаем, что прав В. Левицкий, утверждающий, что сегодня *homo academicus* стали субъектами *института онтологической ответственности*, главная миссия которого состоит в следующем: 1) проговаривание (канонизация) онтологии; 2) выявление аномалий (явлений, угрожающих официальной онтологии); 3) уничтожение аномалий; 4) «сознательная коррекция онтологии, искусственная экспансия в сферу онтологии» [6, с. 40].

Иными словами, роль академического сообщества состоит в «осуществлении, сбережении, распространении и трансляции центральных культурных практик сообщества», выступающих «резервуаром для хранения канонических образцов социальной реальности» и «ритуальным и архетипическим центром ценностно-смыслового универсума определенной культуры» [6, с. 39].

В целом В. Левицкий, изучая процесс генезиса и динамики обществ модерна XIX–XX вв., ввел понятие «*институты онтологической ответственности*», чтобы выявить в социальной структуре институций, обладающих легитимностью и «наделенных полнотой символической (политической, экономической) власти для поддержания канонического образа реальности». В частности, для архаических сообществ роль ответственного за образ мира выполнял институт жречества, а в Средневековье подобную роль «взяла на себя Церковь, в эпоху модерна эту функцию выполняли академии, на современном этапе данная роль постепенно переходит к think tank (аналитическим центрам)» [6, с. 39].

Действительно, в современном обществе есть большая конкуренция за мировоззренческое доминирование в условиях «*деуниверсализации культурного разума*» [7, с. 43] Просвещения и классического Модерна (XVIII–XX вв.), научная рациональность претерпевает существенные трансформации, что нашло свое воплощение в неклассической и постнеклассической парадигмах научности, где большое внимание уделяется активной целенаправленной деятельности по конституированию и конструированию социальной реальности, по управлению социально-технологическими, политическими, экономическими и социокультурными процессами.

Одной из сфер ответственности и гражданского служения ученых выступает выработка научного *социального образа* России с учетом исторического опыта, ценностей справедливости, вызовов современности и т. д. Выработка рационального образа России – это диалектический и перманентный процесс, связанный с его постоянным обогащением, наращиванием (хотя возможны и срывы, герменевтическое «обнуление»), уплотнением горизон-

тальных и вертикальных связей, выявлением новых синхронических и диахронических процессов. В перспективе XVIII–XX вв. ученые неоднократно выступали выразителями национально-государственных интересов России, формировали ее кратко-, средне- и долгосрочный проектный горизонт.

Действительно, исторически формирование рационального образа России брали на себя *богословы* (митрополит Иларион «Слово о законе и благодати», Филофей «Москва – III Рим»), *философы* (П. Чаадаев, А. Хомяков, Н. Данилевский, В. Соловьев, В. Розанов, Н. Бердяев, С. Франк и др.), *ученые* (М. Ломоносов, Д. Менделеев, В. Вернадский, Н. Моисеев). В частности, Е. Сильнова, определяя феномен *социального образа* России, настаивает на том, что он представляет собой «*эвристическую форму социального познания и освоения мира*», обладающую качествами интересубъективности и выступающую «*интерпретацией и освоением мира с позиции определённой ментальности, создаваемой коллективными или индивидуальными субъектами социальных взаимодействий и посредством воздействия на сознание общества социокультурных объектов социальной реальности*» [11, с. 44, 46]. Конституируя и институализируя социальные образы – идеальные типы России философы выстраивают целый спектр образов: 1) «образ – проблема»; 2) «образ – идеал»; 3) «образ – ценность»; 4) «образ – цель»; 5) «образ – руководящая идея (императив)».

Ведущую роль в конституировании образа России Е. И. Сильнова отдает философии, полагая, что философско-гуманитарная *метарефлексия* способна обеспечить «формирование социальной картины мира, отражение и объяснение реальных социальных процессов, критическое осмысление изменяющейся социальной ситуации и состояния общества» [10, с. 15].

В целом, принимая тезис о ведущей роли политической и социальной философии в конституировании образа России, мы полагаем, что сегодня это предмет совместного меж- и трансдисциплинарного сотворчества всех представителей академического сообщества России. Сегодня все социально-гуманитарные науки прямо или опосредовано создают *обобщенный социальный образ* России, где каждая из социальных дисциплин формирует свой концепт и дискурс. Например, *экономисты* выстраивают экономический дискурс представлений о российской экономике, динамике и перспективах экономического развития России; *социологи* дают целую палитру образов России; *политологи* разрабатывают условия новых имиджевых стратегий и ребрендинга; *педагоги* изучают специфику российской педагогической традиции. Как показывает С. Б. Токарева, «образ России как ментальный конструкт относится к так называемому воображаемому дискурсу. “Бытование” образа России в культуре имеет текстовую природу. В основном образы России как воплощение репутационных характеристик создаются, закрепляются и распространяются в публицистике и художественных текстах в виде тропов, которые относятся не столько к эмпирической реальности, сколько к интертекстовым структурам» [13, с. 39].

Образ России для российских *homo academicus* обладает следующими качествами: 1) интенциональность и/или предметность; 2) интерактивность/процессуальность; 3) интересубъектность/интересубъективность; 4) интерпретативность/вариативность. Создавая новый интегративный рациональный образ России, ученые как субъекты модерна тем самым прямо или опосредованно реализуют следующие стратегии:

– вырабатывают максимально объективное и верифицируемое представление о месте и роли России на *шкале обществ* модерна (следы ранжирования явно прослеживаются в делении на развитые и развивающиеся страны, в делении на государства – метрополии и периферии);

– предлагают меры, проекты, программы и практики для формирования *нового качества и уровня развития* гражданской политической нации России, институализации инновационных секторов экономики, развития социокультурных практик.

На наш взгляд, основная миссия ученых – это не только визуализировать и концептуализировать образ России, но и задать долгосрочный цивилизационный вектор ее развития на XXI–XXII вв., дать «образ – перспективу». На этом пути различного рода международные рейтинги и ранжиры не более чем *индексы* для навигации, для выстраивания большой нации – государственно-образующей программы развития. Например, И. Ю. Киселёв и А. Г. Смирнова выделяют три устойчивых паттерна для государств-наций на рубеже XX–XXI вв. [4, с. 120]:

– **идентификационный паттерн** (в приоритете ценности, учитывающие исторический опыт, ценности культуры и социально-политической системы);

– **статусный паттерн** (как тип государства на первый план ставит отношения с другими государствами в международной системе);

– **ролевой паттерн** (делается упор на реализацию государством принятых им обязательств).

Учитывая вышесказанное, важно понять место и роль религиоведения в конституировании и институализации образа России в XXI в. Религиоведы как часть российского академического сообщества социально-гуманитарных наук активно формируют образ российского общества и государства со стороны своей предметной области. На наш взгляд, «влияние религиоведческих штудий в современности имеет как минимум тройкий характер, а именно: 1) область производства академических/фундаментальных социальных знаний; 2) широкая сфера прикладных политических, социально-экономических и социокультурных практик в индустриальном/постиндустриальном типах общества (одну из них “надзирание за религией” хорошо описал Дж. Милбанк); 3) религиоведческий дискурс и воображение как часть общественного сознания» [1, с. 95].

Особое значение в свете геополитической ситуации (с 2014 г.) российские религиоведы, на наш взгляд, должны уделить следующим вопросам: а) изучение российских практик свободы совести и религиозного плюрализма; б) мониторинг и теоретико-методологическое сопровождение россий-

ской модели постсекулярного общества; в) исследование практик устойчивости российского государства-цивилизации как содружества народов с различной религиозной идентичностью; г) рассмотрение и защита констант человеческого рода перед лицом пост- и трансгуманизма. Разумеется, перечень вопросов для исследования можно продолжить, но именно указанные темы выступают сегодня *средоточием* общественной повестки дня согласно социологическим и политологическим исследованиям.

В практическом плане представители российского религиоведческого академического сообщества должны брать на вооружение современные методы социального конструирования (фреймирование, генерализация, типизация, хабиитуализация). В частности, Двора Яноу и Мерлин ван Хульст выделяют четыре практики фреймирования: 1) вовлеченность в работу по производству значений (meaning-making); 2) реализацию посредством процессов отбора, категоризации и именования; 3) импликацию через повествование (story telling); 4) модусы, проявляющиеся в механике конструирования смыслов (смыслов проблем, идентичностей и отношений, равно как и самих процессов взаимодействия) [18, с. 93].

Постараемся проанализировать каждый аспект фреймирования как возможную теоретико-методологическую стратегию российского религиоведения. Итак, ответим на вопрос: *насколько российские религиоведы вовлечены в процессы производства значений?* На наш взгляд, сегодня статус религиоведения в процессах производства социальной реальности конституируется различными путями: 1) *нормативно-правовым* (активно действует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Государственной Думы, Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений в Общественной палате РФ и т. д.); 2) *научно-просветительским* (журналы «Ортодоксия», «Геология», «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», «Религиоведение», «Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии», «Вестник Русской христианской гуманитарной академии», «Полития», «Социологическое обозрение» и др.); 3) *академическим* (религиоведческое образование в вузах, просветительские программы на телевидении и в социальных сетях).

Вторая стратегия фреймирования – *отбор, именование и категоризация* – осуществляется повсеместно, что проявляется в постоянном мониторинге деятельности религиозных сообществ, в типологизации и классификации различных проявлений религиозной деятельности граждан Российской Федерации [2; 12; 16].

Третья практика фреймирования, а именно *импликация научных знаний через повествование*, реализуется в том, что религиоведы стали частью «фабрик мышления» и сообществ медиареальности / средств массовой информации [5; 14]. Достаточно вспомнить, что постоянный сторителлинг в соцсетях ведут В. Ю. Зорин – председатель комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений в Общественной палате РФ, А. В. Щипков и В. Р. Легойда. Не отказывается от полемики и дискуссий

профессорское сообщество университетов и духовных академий Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбург, Новосибирска и др.

И, наконец, четвертый аспект активного фреймирования, связанный с конституированием и конструированием смыслов. Например, А. А. Федоров убежден, что религиоведы и философы должны сегодня поставить как минимум четыре вопроса о будущем религии: 1) Что есть для будущего религия или сакральное?; 2) Как есть сакральное или религия в будущем?; 3) Что будет в будущем с сакральным или с религией?; 4) Как возможна в будущем новая религия? [15, с. 27].

Поиск ответов на заданные выше теоретико-методологические вопросы вовлекает религиоведение в паттерн *рефлексивной парадигмы* социально-гуманитарных наук на современном этапе развития. Именно рефлексия социальных ученых над основными компонентами своей научно-исследовательской деятельности (объект/предмет, цель, методы, приемы, процессы познания, множественность форм научного знания) позволяют им показать интенции, основания и пределы конкретной познавательной ситуации; учитывать собственную вовлеченность в социальные процессы; обращать внимание на относительность полученного знания; нести ответственность за результаты научного познания, экспертиз, обзоров и рекомендаций.

Настоящая статья больше носит эвристико-пропедевтический характер, направленный на привлечение и интеллектуальную мобилизацию российского сообщества религиоведов по формированию нового цивилизационного облика/образа России в XXI в. Например, мы видим большой вклад российской школы религиоведения в обоснование теории постсекуляризма, которая способствовала развитию *аутентичных религиозных традиций* (православия, ислама, буддизма, иудаизма) народов России, тем самым развивая институты гражданского общества, способствуя устойчивому становлению российской гражданской политической нации.

Список литературы

1. Агапов О. Д. Методологические стратегии религиоведения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 92–98.
2. Богатырев Д. К., Шишова М. И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 3. С. 95–109.
3. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М. : Знак, 2006. 488 с.
4. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // Полис. 2004. № 4. С. 116–125.
5. Красильникова М. Н. Теория фреймов как метод современного религиоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 4. С. 70–82.
6. Левицкий В. Конкуренция альтернативных проектов цивилизационного развития и роль институтов онтологической ответственности // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 32–45.
7. Левицкий В. Социальные трансформации постметафизической эпохи // Философские науки. 2021. № 4. С. 29–45.
8. Мчедлова М. Возвращение религии, или новый мир: в поисках объяснения // Политическая наука. 2013. № 2. С. 25–47.

9. Розин В. М. Становление и этапы развития европейской социальности // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1, ч. 1. С. 11–33.
10. Сильнова Е. И. Социальный образ России в исторической динамике : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Саратов, 2013. 44 с.
11. Сильнова Е. И. Социальный образ: начала концептуализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 43–49.
12. Станкевич Г. В. Религиозный фактор современного политического процесса. Ставрополь : Ставролит, 2012. 316 с.
13. Токарева С. Б. Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 36–48.
14. Устиненко В. Б. Представление религиозных знаний в виде фреймов с целью создания сетевых моделей принятия решений // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2006. Т. 24, № 1–2. С. 49–64.
15. Федоров А. А. Концепции будущего религии в социально-гуманитарной мысли XIX–XXI вв.: проблематика и опыт классификации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10, вып. 4. С. 24–37.
16. Штекль К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 195–223.
17. Щипков В. А. Постсекулярная речь. Ценностное измерение современных культурных и политических процессов. М. : МГИМО-Университет, 2019. 302 с.
18. Яноу Д., Хульст ван М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 87–113.

References

1. Agapov O.D. Metodologicheskie strategii religiovedeniya [Methodological strategies of religious studies]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"], 2021, vol. 38, pp. 92-98. (in Russian)
2. Bogatyrev D.K., Shishova M.I. Postsekulyarnaya gipoteza i osobennosti rossijskoj postsekulyarnosti [The Post-Secular Hypothesis and the Particulars of the Russian Post-Secularization]. *Vestnik khristianskoj gumanitarnoj akademii* [Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2015, vol. 16, no. 3, pp. 95-109. (in Russian)
3. Zamyatin D.N. *Kultura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: modeling geographical images]. Moscow, Znack Publ., 2006, 488 p. (in Russian)
4. Kiselev I.Yu., Smirnova A.G. Obraz gosudarstva kak faktor prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenij [Nation's image as a factor for decisions in foreign affairs]. *Polis* [Polis], 2004, no. 4, pp. 116-125. (in Russian)
5. Krasil'nikova M.N. Teoriya frejmov kak metod sovremennogo religiovedeniya: mezhreligioznyj frejm i problema sotsialnogo priznaniya musul'man v nemusul'manskikh obshchestvakh [The theory of frames as a method for contemporary religious studies. The interreligious frame and an issue of social recognition of the Muslims in non-Muslim societies]. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyj zhurnal o religii* [Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion], 2021, no. 4., pp. 70-82. (in Russian)
6. Levitskij V. Konkurentsija al'ternativnykh projektov tsivilizatsionnogo razvitiya i rol institutov ontologicheskoy otvetstvennosti [Competition of alternative civilization development projects and the role of institutions of ontological responsibility]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2020, no. 1, pp. 32-45. (in Russian)
7. Levitskij V. Sotsialnye transformatsii postmetafizicheskoy epokhi [Social Transformations of the Post-Metaphysical Era]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2021, no. 4, pp. 29-45. (in Russian)
8. Mchedlova M. Vozvrashchenie religii, ili novyj mir: v poiskakh ob'yasneniya [The return of religion, or the new world: In search of explanations]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2013, no. 2, pp. 25-47. (in Russian)
9. Rozin V.M. Stanovlenie i etapy razvitiya evropejskoj sotsialnosti [Formation and Stages of the Development of European Sociality]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2019, vol. 11, no. 1 (1), pp. 11-33. (in Russian)

10. Silnova E.I. *Sotsialnyj obraz Rossii v istoricheskoy dinamike* [The social image of Russia: a historical perspective]. Dr. Sci. diss. abstr. Saratov, 2013, 44 p. (in Russian)

11. Silnova E.I. *Sotsialnyj obraz: nachala kontseptualizatsii* [Social Image: Beginnings of Conceptualization]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 43-49. (in Russian)

12. Stankevich G.V. *Religioznyj faktor sovremennogo politicheskogo protsessa* [The religious factor of contemporary political processes]. Stavropol, Stavrolit Publ., 2012, 316 p. (in Russian)

13. Tokareva S.B. *Konstruirovaniye obraza Rossii v publichnom i obshchestvenno-politicheskom diskurse: ot semanticheskogo opisaniya k metaforicheskomu frejmingu sobytij* [Constructing the Image of Russia in Public And Political Discourse: from Semantic Description to Metaphorical Framing of Events] *Logos et Praxis* [Logos et Praxis], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 36-48. (in Russian)

14. Ustinenko V.B. *Predstavlenie religiovedcheskikh znaniy v vide frejmov s tsel'yu sozdaniya setevykh modelej prinyatiya reshenij* [Representing knowledge from religious studies as frames with the goal of creating a web model for making decisions]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russian and Abroad]. 2006, vol. 24, no. 1-2, pp. 49-64. (in Russian)

15. Fedorov A.A. *Kontseptsii budushchego religii v sotsial'no-gumanitarnoj mysli XIX–XXI vv.: problematika i opyt klassifikatsii* [Conceptions of the Future of Religion in Social-Humanitarian Thought of the 19–20 Centuries: Problems and Experience of Classification]. *Vestnik Russkij khristianskoj gumanitarnoj akademii* [Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities]. 2009, vol. 10, iss. 4, pp. 24-37. (in Russian)

16. Stoeckl K. *Tri modeli tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenij v sovremennoj Rossii* [Three Models of Church-State Relations in Contemporary Russia]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2018, no. 3, pp. 195-223. (in Russian)

17. Shchipkov V.A. *Postsekulyarnaya rech. TSennostnoe izmerenie sovremennykh kulturnykh i politicheskikh protsessov* [Post-secular speech. Contemporary cultural and political processes: values perspective]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2019, 302 p. (in Russian)

18. Yanou D., KHulst van M. *Frejmy politicheskogo: ot frejm-analiza k analizu frejmirovaniya* [The Political/Process Promise of Policy Framing]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2011, vol. 10, no. 1-2, pp. 87-113. (in Russian)

Сведения об авторах

Агапов Олег Дмитриевич

доктор философских наук, профессор,
директор, НИИ социальной философии
Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова
Российская Федерация, 420111, г. Казань,
ул. Московская, 42
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Рашкин Михаил Николаевич

аспирант
Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова
Российская Федерация, 420111, г. Казань,
ул. Московская, 42
e-mail: mn-rashkin@yandex.ru

Information about the authors

Agapov Oleg Dmitrievich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Director, Research Institute of Social
Philosophy
Kazan Innovation University named after
V. G. Timiryasova
42, Moskovskaya st., Kazan, 420111,
Russian Federation
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Rashkin Mikhail Nikolaevich

Postgraduate
Kazan Innovation University named after
V. G. Timiryasova
42, Moskovskaya st., Kazan, 420111,
Russian Federation
e-mail: mn-rashkin@yandex.ru